

42. ДВА ГЕНЕРАЛА

В марте 2004 года мне неожиданно позвонил писатель-публицист Евгений Будинас. В чем тут неожиданность? Да в том, что позвонивший – мой вечный антагонист. Скажем, я фактами доказывал, что мелиорация загубила белорусскую природу, а мой оппонент перепевал машеровский миф о том, что мелиорация – гарантия продовольственного изобилия. Я показывал идеологических конъюнктурщиков от науки и власти в их разрушительных деяниях, он называл их гениями, борцами за народное счастье, а меня – очернителем действительности.

Надо же, Будинас попросил помощи в подготовке книги, над которой работал в паре с депутатом Палаты Представителей отставным генералом Фроловым. Год-полтора назад вояку нигде, кроме казармы, не знали, и вдруг в нем возбудились президентские амбиции, дружно подогреваемые журналистами. Моя задача состояла в том, чтобы свозить генерала в жизнь, помочь ему почерпнуть и литературно обработать материал для программной книги на тему: как обустроить Беларусь.

Слаб человек, похвала врага не позволила мне отказаться от сотрудничества. До того я пару раз виделся с Фроловым в редакции газеты «Народная воля», здоровался дежурным кивком. Можно сказать, мы не были знакомы. К политикам и разного калибра властителям у меня хроническое недоверие. Нельзя понять, когда они искренни, а когда лукавы, когда на них лицо, а когда маска.

Судя по публикациям в независимой прессе, скоропалительный, словно «калашников», Фролов был начинен заготовками о плохом Лукашенко, о рыночной экономике, о свободе слова, о фермерстве... Он строчил оппозиционной риторикой по всем мишеням, будто оправдываясь за то, что долго вхолостую нажимал в парламенте кнопки.

Накоротке Валерий Дмитриевич Фролов оказался добродушным мужчиной с маленьким брюшком, без генеральской осанистости, без задранного подбородка. Меня приятно удивила в генерале простота. Речь Фролова была насыщенной словом на букву «б».

Чтобы генерал лучше подготовился к изучению жизни, я подарил ему свою книгу «Белорусы между небом и землей», попросил обязательно прочитать в ней материалы о бывшем председателе колхоза «Рассвет» Василии Старовойтове и егере Михаиле Новикове. Именно к ним я решил везти генерала.

Надежда еще не покинула пределы Беларуси. Хотя бы потому, что в стране набирает силу духовный центр наподобие Ясной Поляны Льва Толстого либо деревни Овсянка Красноярского края, где до недавнего времени жил и творил Виктор Астафьев. В деревне Мышковичи Кировского района Могилевской области живет генерал колхозного строительства Василий Константинович Старовойтов, дважды Герой социалистического труда, экс-председатель колхоза, а затем акционерного общества «Рассвет», бывший

заключенный, восьмидесятилетний мудрец-практик, знающий, как поднять деревню и спасти Беларусь.

Духовный центр в Мышковичах начал формироваться после возвращения туда из тюрьмы Василия Старовойтова. В нем современники увидели символ непокорности человека авторитаризму. Стремление к свободе тайно или явно объединяет людей. В Мышковичи, к Старовойтову, потянулись белорусские оппозиционеры, симпатизирующие им деятели культуры.

–Когда узнал, что Старовойтов согласился принять меня, всю неделю до поездки был в приподнятом настроении, – сообщил мне Фролов с какой-то негенеральской искренностью, юношеской непосредственностью, отчего вызвал к себе симпатию. – Хочу выказать свою поддержку мужественному человеку. Мне важно знать его мнение о том, как реформировать село и, наконец, накормить страну.

Оказалось, Старовойтов тоже ждал этой встречи. Он внимательно изучал выступления Фролова в печати, нашел в них родственные мысли, о чем не преминул сообщить тотчас после приветственного рукопожатия на ступеньке своего дома в Мышковичах. Прежде всего Старовойтов как старший по возрасту похвалил Фролова за смелые выступления в раболепствующем парламенте.

После рукопожатия генерал-хозяин пригласил генерала-гостя на чаек с дороги. Поскольку жена Валентина Николаевна была на работе, Василий Константинович сам сервировал стол и, раскладывая красивые приборы, невзначай обронил, что это – подарок Дубко.

–Александра Иосифовича! – оживился Фролов. – Он был мне друг. Мой корпус был расквартирован в Гродно, когда губернатором там работал Дубко. Мы жили по соседству. Я видел его в последние часы жизни.

Так неожиданно у генералов нашлась общая тема. Заговорили о причинах недавней смерти гродненского губернатора. Валерий Фролов, который часто общался с ним, сказал Старовойтову, что Дубко сгорел от постоянной внутренней борьбы. Губернатор по должности вынужден был сотрудничать с режимом, хотя видел его гнусности. Крепкий мужик мучился от разлада в себе самом.

– Он должен был мучиться, – констатировал Старовойтов, упирая на слово «должен». – У него была совесть.

– Вы знали Дубко еще председателем колхоза «Прогресс» в Гродненском районе. Почему же он тогда не пошел вашим путем, Василий Константинович? Колхоз «Прогресс», которым долго руководил Дубко, был многоотраслевым. Как ваш «Рассвет». Вы поняли, что надо идти дальше, реформировать колхозную форму как неэффективную, а Дубко не понимал?

– Думаю, что понимал. Пусть земля ему будет пухом! У него не хватило силы воли. У меня темперамент другой. Дубко, пользуясь связями в Совмине, добывал там горючее. А я добывал горючее в человеке. Освобождал в крестьянине древнюю жилку, чтобы им управляла. Если у человека имеется личная собственность, он все силы отдаст, чтобы ее сохранить, умножить.

Тогда ему Старовойтов нужен не как командир, а как менеджер. В акционерном обществе я больше не кричал трактористу: убери камень с поля, а то сломаешь сеялку. Акционер-собственник сам уберет этот камень, отнесет его на межу. Он смотрит на сеялку как на свою личную, а не колхозную, всенародную...

–То есть – ничью! – подхватил Фролов. – Как я понимаю, командуя колхозом, вы мечтали не командовать, а пробудить у подчиненного личный интерес к эффективной работе. Вы убедились, что в условиях колхоза это сделать нельзя? Спрашиваю потому, что еще есть немало приверженцев колхозной формы собственности. Допустим, говорят, что колхоз наиболее полно соответствует славянской ментальности, соборности.

– Ленин и Сталин придумали колхоз как несчастье для славян. Если мы освободим белорусов от колхоза, мы дадим им шанс выйти из нищеты, вывести свое государство на новый уровень цивилизации. Коммунистическая партия много болтала о раскрепощении крестьянина. А на деле? Закрепоцала село якобы льготными кредитами, требуя взамен делать то, что прикажет. Так и Лукашенко сейчас делает. Перестройку в 1985 году я воспринял как глоток свободы. Надо было срочно действовать, пока не произошел откат. К счастью, не я один это понимал. Прочитал в газете, что на Дальнем Востоке приватизировали хозяйство. Землю распределили между колхозниками. На собрании я предложил своим: может, попробуем и мы? Попробовать захотели, а как конкретно? Опыта же нет. Сначала решили поделить колхоз на шестьдесят структурных подразделений, между ними ввели взаимный расчет. Чтобы все кумекали, как лучше сделать, как больше заработать.

–Акционерное общество зарождалось в недрах колхозной жизни? – уточнил Фролов.

–До акционерного общества еще далеко, Валерий Дмитриевич. Еще съездил я в Прибалтику. Там в одном колхозе сидели капиталисты из Германии, экономисты, юристы ихние. Толковые! Учили, как привить крестьянину мотивацию к труду более крепкую, чем в колхозе. Чтобы крестьянин стал капиталистом, он должен воспринимать землю как капитал, знать ее цену. Имея свою земельную долю в банке в виде акции, крестьянин-капиталист через банк участвует в общем деле, наращивает личные проценты. Немцы надарили мне разработок, брошюр. Я изучил. И поехал еще в колхоз «Радищево», в Смоленскую область. Там тоже шевелили мозгами. И где-то в начале девяностых мы пришли к акционерному обществу. Это длинный путь. Все нужно было сделать юридически безукоризненно. Гласно, честно, понятно колхозникам. Для них же делалось. Устав АО разрабатывала бригада юристов.

–Сколько лет успело поработать акционерное общество «Рассвет»?

–Около пяти лет.

–За это время вы не разочаровались в реформе? Не возникало ли желания вернуться в колхоз? У вас лично, у крестьян? – Фролов не отставал с расспросами, словно брал у Старовойтова интервью. Я увидел депутата, не говорящего с апломбом обо всем на свете, а спрашивающего и слушающего. Изучающего жизнь. Некоторые вопросы Фролова показались мне наивными, почти глупыми. Все-таки за время многолетней армейской службы генерал

отстал от жизни, и это вызывало во мне тревогу: каким же образом генерал намерен изменить нашу жизнь, если он ее не знает?

– Не все шло так, как мечталось, – вздохнул Старовойтов. – Наша революция совпала с развалом СССР, с разрушением устоявшихся связей. Тогда хорошо жилось только ворью. Власть по-прежнему влезала в наши внутренние дела. Скажем, нас заставили отдать государству кормовое зерно. Мы были вынуждены сократить поголовье скота, иначе бы оно сдохло от бескормицы. Упали показатели, снизилась зарплата. Но были налажены новые контакты. По типу рыночных – товар-деньги. Открыли свои магазины в Кировске, Бобруйске. Там продавали мясо, молоко, овощи. Выручки хватало, чтобы выплатить зарплату...

– Помните, Василий Константинович, вы попросили у военных бронетранспортер для перевозки наличных денег! – Фролов нашел в прошлом еще одну точку соприкосновения со Старовойтовым, обрадовался этому, как мальчик. – Я тогда служил в Бобруйске. Просьба была необычная. Я поехал в «Рассвет». Свернул, помню, с шоссе Бобруйск-Могилев – и словно попал в другую страну. Асфальтированные дороги, поля ровненькие, ухоженность деревень. Но бронетранспортер мы вам не дали, не имели права. Как вы тогда выкрутились? Денег-то были мешки...

– Наличная выручка от торговли на первых порах спасала хозяйство. Еще полгода-год – и акционерное общество закрутилось бы, как налаженный механизм. Но не дали. Обвинили во всех грехах. Придумали, что я с сообщниками присваиваю ту чертову наличку...

– Все-таки непонятно, почему Лукашенко поторопился разгромить и опозорить ваш хозяйственный опыт? Он же непрестанно говорит о необходимости реформирования колхозов, об акционировании. Вас-то зачем безжалостно уничтожил?

– О реформировании села он вовсю заговорил только сейчас. Когда увидел, что привел экономику к краху. Додумался до того, что заставляет директоров заводов брать на буксир колхозы-банкроты, хотя заводы еле держатся на плаву. У строителей, медиков, учителей райисполкомы вымогают деньги на весенне-полевую кампанию. Нищее село, как камень, тянет страну на дно. А президент все болтает о реформах. Ему главное всего показать, что хозяин в стране только он, а остальные – рабы и дураки.

– Планы власти устроить в Мышковичах показательное триумфальное возвращение к колхозу провалились. «Рассвет» в долгах. Если бы вам сейчас представилась возможность руководить хозяйством, вы бы взялись?

– Силы у меня еще есть.

– С чего бы вы начали?

– С акционирования! – ответил Старовойтов не задумываясь, громко, решительно, твердо, демонстрируя неуывающий темперамент. И добавил тихо, словно это был не Старовойтов: – Но только с разрешения Красного дома. Без его санкции в нашей стране скоро не чихнешь от души.

– Допустим, завтра вы во главе «Рассвета». Каков будет приказ номер один?

–Без общего собрания колхозников никакого приказа не будет. Сначала соберемся и поговорим, что делать. А в приказ, думаю, внесем два пункта: первый – разрешается выйти из колхоза всем, кто желает; пункт второй – разрешается остаться в колхозе всем, кто привык и не может жить иначе.

– Второй пункт – это интересно! – воскликнул Фролов. – Так что же, вы не хотите окончательно ликвидировать колхоз?

–Не хочу совершать насилие над людьми. Спросите у стариков: сколько человек после войны хотели идти в колхоз? Ни одного! А сейчас они привыкли к колхозу, мозги крестьянина зацементированы. Он не вполне нормальный. Ему надо обязательно приказать: делай то, не делай это. Он понимает только команду. Чтобы у него появился личный интерес, надо дать ему возможность понаблюдать, сравнить, где лучше, где больше заработок, в колхозе или в акционерном обществе.

–Василий Константинович, извините за бестактный вопрос. Вам люди здесь еще раз поверят?

–Если я на собрании скажу, что восстанавливается акционерное общество, и я буду им руководить, люди мне поверят, пойдут за мной.

–Но в 1997 году они сдали вас...

–Сдали. И это обидно. Я не ожидал такого... Но людей подавили морально. Их обманули сплетней о моих несметных богатствах. Меня обвинили в убийстве Миколуцкого, был, помните, такой контролер в Могилеве, друг Лукашенко. В хозяйство нагрянул батальон ревизоров, следователей, милиционеров. Оккупировали, как в войну. Люди боялись пикнуть. Им пообещали: если проголосуете за возвращение колхоза, государство вам поможет, вы заживете еще лучше, чем прежде. И все равно четырнадцать человек на общем собрании проголосовали против моего смещения.

–Что вы пообещали бы людям?

–Через три года зарплату четыреста долларов.

–Сколько они получают сейчас?

–Начиная от пятидесяти... Если бы зарабатывали нормально, не уезжали бы в Россию.

–Хочу прояснить вот что, – сказал Фролов. – Каждому, кто пожелает выйти из колхоза, передается в личную собственность земельный участок из общего массива. Технология нарушится, бардак получится ...

–На первоначальном этапе, не исключено, возникнут сложности. Потом все придет в норму. Как на Украине. Там каждый колхозник получил четыре с половиной гектара. Он может единолично обрабатывать эту землю, может сдать в аренду. А может объединить с другим, третьим, десятым участком, чтобы совместно с их собственниками сохранить технологию, выбрать специализацию, разделить обязанности, находить рынки сбыта, торговать. Так было у нас в «Рассвете». Рубль постепенно отрегулирует все. Что нужно в рынке? Дать продукцию – это первое. Второе – продать продукцию. Продать всегда можно, если торговаться с умом. Торговать с выгодой получится у собственника. Но ему никто не должен мешать. Тогда он заработает свои 400

долларов. И больше. Семью свою обеспечит, народ накормит. Землю надо срочно приватизировать. Чем быстрее, тем лучше. Сначала будут неувязки, как в России, она большая, трудно управляемая. В компактной Беларуси рынок наладится быстро. Надо подчиниться рублю, а не главнокомандующему всеми крестьянами, коровами, свиньями и гусями...

–Как вы думаете, Василий Константинович, может ли этот главнокомандующий изменить свои подходы к рынку, к демократизации? Ведь он чувствует, что тучи сгущаются, что последние ресурсы на исходе, что Россия зажимает гайки и вентили...

–Чувствует, ну и что? – согласился и не согласился Старовойтов с предположением Фролова. – Путин его за пару лет доконает. Путина примут в Европу – и ему станет невыгодно нашего чудотворца защищать. Сам чудотворец не изменится. – Видно было, что в Старовойтове за долгую жизнь накопилось больше разочарований и реализма, чем в относительно молодом Фролове. Вижу, Фролов взвесил в уме пессимизм Старовойтова относительно гипотетической трансформации Лукашенко, спросил:

–Может, его изменит страх за свою личную судьбу?

–Не способен он измениться никогда! Страх не соседствует с разумом! – Жестко отрубил Старовойтов.

–В последнее время Лукашенко заговорил о возрождении деревни. – Фролов вернулся к персоне номер 1, словно давая ей последний шанс оправдаться перед Старовойтовым. – Посмотришь на умирающие деревеньки – сердце болит. Возможно ли их восстановить?

–Умирающие деревни уже не возродить. В этом нет необходимости. Лукашенко совершит еще одну ошибку, если станет отстраивать каждую деревушку. Материальные ресурсы, направленные на ее восстановление, будут выброшены на ветер.

–Выходит, коммунисты делали правильно, когда в семидесятых годах объявили подавляющее большинство белорусских деревень неперспективными, закрывали там школы, магазины, бани, фермы и все концентрировали на центральных усадьбах?

–Тогда это было издевательство над человеком, над реальной жизнью, – сказал Старовойтов. – Центральные усадьбы понастроить не смогли, не хватило силенок, а маленькую деревушку выморочили. В семидесятые годы село было еще многолюдно, звенело детскими голосами. Закрытие деревни в те годы являлось преступлением. Сейчас деревня обезлюдела, нет смысла ее восстанавливать. На территории нашего хозяйства есть умирающая деревенька Столпищи. Я обошел всех жителей-пенсионеров. Одни хотели переехать в Мышковичи, другие – остаться. О тех, кто остался, надо, безусловно, заботиться, чтобы они дожили свой век по-человечески. Вместе с ними исчезнет и деревенька. Она – обуза для технологии, экономики. Производить сельхозпродукцию мы должны меньшим количеством людей. Как в западном мире. История маленькой белорусской деревни завершается. Жаль, но что поделаешь...

–Жаль, – повторил Фролов. – На исчезновение обречены все маленькие деревушки?

–Некоторые деревни могут облюбовать себе фермеры, – предположил Старовойтов. – Допустим, в Столпищах можно держать ферму, ЛЭП туда протянута, дорога есть – все стодится. Там стоит ферма, а рабочих возят из Мышковичей, где они живут в комфорте, пользуются благами цивилизации. Хотелось бы, чтобы фермеров набралось побольше.

– Недавно я был на съезде фермеров Беларуси, – сообщил Фролов, – так, поверьте, удивился и обрадовался, что их немало у нас осталось, две с половиной тысячи...

–Это мало! – Старовойтов оборвал патетику Фролова.

–Как вы относитесь к фермерам? – по-репортерски спросил Фролов.

–Фермер в одиночку не жилец! Чтобы работать на земле, надо знать все, быть спецом на все руки. Высокий уровень механизации. Точнейшая технологичность. Один фермер не потянет.

–Тянут ведь...

–За энтузиазм фермерам надо поклониться. Но фермерству не хватает основательности. В одиночку фермеры изолированы, хозяйство у них примитивно, рынок их задавит. Фермерам надо объединиться, создать инфраструктуру обслуживания, конкурировать друг с другом, с крупными хозяйствами. Пусть борются за рынки сбыта. Выживет тот, кто толковый, настойчивый.

–Боюсь, Василий Константинович, что у фермеров могут опуститься руки, когда, не дай Бог, вступит в силу новый закон о земле. Я знаком с его нелепым проектом. Он лишает фермеров права передавать свою землю наследникам. Сколько драм может произойти, сколько разочарований. Вы верно говорили о земле как капитале. Земля должна не только наследоваться, но и продаваться. Мы с коллегами сейчас готовим альтернативный проект закона о фермерстве.

–Кроме права на частную собственность на землю, обязательно напишите в законе, что собственник обязан использовать землю по прямому назначению, заботиться о росте ее плодородия. Земля – богатство вечное. Пусть она достанется умелым, честным. А это выявит борьба. – Старовойтов вернулся к своему тезису о конкуренции.

–Значит, и у нас неизбежен дикий капитализм?! – неподдельный страх послышался в вопросе Фролова.

–Мир прошел через это. Что, мы – особенные? Чтобы не допустить анархии, примите толковые законы. Регулируйте, но умно, тонко. Не вмешивайтесь во взаимоотношения собственников. Пусть ими управляет рубль, а не волюнтаризм государственных чиновников.

–Я как-то заходил к директору гродненского молокозавода. Покажите, прошу, калькуляцию. Мне надо знать, как государство регулирует цены на продовольственные товары. Насильно делает молоко дешевым и кричит: смотрите, это забота о людях. Изучил калькуляцию, на зарплату рабочим там всего 1,2 процента...

– Вот причина зла! – поддержал Старовойтов. – Рабочему платят копейки, но хвалятся дешевым молоком. В калькуляции на зарплату должно быть 30 процентов. Тогда рабочий молокозавода получит приличные деньги. Пойдет в магазин, купит дорогое молоко. Выручка от молока будет солидная, поступит в хозяйство, попадет в карман крестьянина, сделает и его богатым, поднимет деревню. Рубль совершит революцию в социальной политике. Для этого надо забрать у государства рубль как инструмент диктата, как соблазн коррупции. Государство обязано создать условия и гарантии для притока инвестиций, установить здравые налоги, заботиться о безопасности граждан, ловить и сажать в тюрьму преступников, а не таких, как Старовойтов.

– Как там было в тюрьме? – спросил Фролов.

– На всякий случай примериваетесь? – пошутил Старовойтов.

Все засмеялись, но те так, чтобы уж весело.

– В оршанской тюрьме койки в три яруса, – начал вспоминать Старовойтов. – В камере 32 человека. Зэки мне рассказывали, что однажды в камеру зашел начальник тюрьмы, сообщил, что привезут Старовойтова. Спросил: знаете такого? Вся камера знала. Среди зэков я был авторитет. Начальник тюрьмы попросил: старику освободите место на первом ярусе. Один зэк уступил. Я это узнал через месяц. Решил его отблагодарить. Жена прислала денег, пошел в тюремный ларечек. Маленький! К нему очередь. Давка. Смотрю, в ларечке торгует знакомая по совхозу «Родненский», где я до прихода в «Рассвет» десять лет работал директором. Она узнала меня, обрадовалась. Подобрала мне товара: консервы, булочки, шоколад, чай. С пареньком, уступившим место, чифирили до 12 часов ночи. Хорошо было с хорошим человеком. Так что не бойтесь, Валерий Дмитриевич, тюрьмы. Лучше два года посидеть в тюрьме, чем разорить страну! – Старовойтов поделился, видимо, давно выношенным императивом, однако непонятно было, кого он имел в виду, – себя, Лукашенко, Фролова?

Прощались генералы по-мужски, сдержанно. Пожав друг другу руки, произнесли, судя по всему, важные слова.

Старовойтов:

– В моем возрасте уже теряют друзей. Я рад, что сегодня приобрел друга. Вас, Валерий Дмитриевич.

Фролов:

– Спасибо, Василий Константинович! Я счастлив, что в вашем лице нашел единомышленника. Буду гордиться дружбой с вами.

И в сей торжественный момент на мой язвительный ум пришла «повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». Оказавшись на необитаемом острове по щучьему велению и по хотению писателя-сатирика Салтыкова-Щедрина, те беспомощные генералы чуть не умерли с голоду, хотя вокруг них реки кишмя кишели рыбой, леса – рябчиками и зайцами, а над головой висели спелые яблоки. Чтобы выжить, генералы решили поискать мужика. Нашли. И мужик-единоличник досыта накормил их, и до того изловчился, что даже стал

в пригоршне суп варить. Комичность сюжета строится на недалекости генералов, уменьье мужика сомнений не вызывает. На белорусском необитаемом острове ситуация поменялась с точностью до наоборот, обрела трагикомичность. Мои генералы прокормить себя умеют сами, а вот мужик в колхозе всему разучился, и генералы намерены его обучить, как достать с дерева яблоки, из земли – картофель...

В Минск мы возвращались затемно. Фролов рассказывал о своей службе в Литве, где командовал дивизией. Рассказчик он неплохой, отлично помнит детали. В Литве он оказался в 1991 году, Литва выходила из СССР. Противостояли две силы – советские войска и ополченцы Ландсбергиса. Генерал Фролов понимал, что главное для него – избежать кровопролития, не допустить вмешательства армии в литовскую драму, как сделал генерал Усхопчик. Фролову это удалось.

Фролов рассказывал подробно, с чувством, используя армейскую лексику, в том числе ненормативную. Когда въехали на территорию Пуховичского района, резко замолчал.

–Заедем в мою деревню,– сказал другим тоном, – здесь недалеко. Я там вырос.

Свернули с шоссе. Через пару километров фары машины высветили придорожный указатель: АНАНИЧЫ.

–Моя деревня, – сказал Фролов, – детство я провел здесь, у бабушки. Вот под тем деревом был клуб, он сгорел. Вот там живет мой друг Мишка, а в той хате Ваня. Этот мосток через ручей был деревянный, весь в щелях, сейчас, видите, железобетонный.

На длинной улице деревни горели всего два фонаря. Светились редкие окошки. В Ананичах стояла тьма. Хаты стояли темные, нежилые. Не светились окна и в хате Фролова. Открыв калитку, он походил по двору, потрогал-погладил руками веранду, штакетник. Я его понимал. Я тоже никогда не проеду мимо родной деревни, когда окажусь неподалеку.

Покинув темные Ананичи, долго ехали молча. Нас объединило то слово, то чувство, которое о маленькой деревушке, да и о всей Беларуси выказал Старовойтов, эхом повторил Фролов: ЖАЛЬ...

2004